

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 169–181.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2024. Vol. 26, no. 3. P. 169–181.

Научная статья

УДК 343.23-048.23:343.72(470+571)

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2024-3/169-181>

Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики

Марина Николаевна Шипунова

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

✉ marina_shipunova0305@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению значения обмана как способа совершения преступного посягательства. Цель данного исследования – выявление особенностей реализации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за обманные преступления. В работе использованы методы логического и системного анализа, проведен контент-анализ публикаций и синтез лучших precedентов в правоприменительной практике. Автор выделяет четыре модели определения обмана-способа в уголовном законе. Обосновывается, что обман может выступать отягчающим обстоятельством в составах со специальным субъектом, где механизм преступного посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² Уголовного кодекса Российской Федерации и др.). Автором анализируются актуальные проблемы правоприменения, предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: обман, обман как способ совершения преступления, обманные преступления, криминальный обман

Для цитирования: Шипунова М.Н. Обман как способ совершения преступления: проблемы теории и практики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26, № 3. С. 169–181.

Original article

Deception as the way of committing a crime: problems of theory and practice

Marina N. Shipunova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ marina_shipunova0305@mail.ru

Abstract. The article is devoted to consideration of the significance of deception as a method of committing a criminal offense. The purpose of this study is to identify the features of the implementation of criminal law provisions providing for liability for fraudulent crimes. The work used the methods of logical and system analysis; a content analysis of publications and synthesized the best precedents in law enforcement practice was carried out. The author identifies four models for determining the method of deception in criminal law. It is substantiated that deception can act as an aggravating circumstance in compositions with a special subject, where the mechanism of a criminal attack is associated with a system of relations based on trust (Articles 201, 202, 285, 285¹, 285² of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.). The author analyzes the current problems of law enforcement and suggests ways to solve them.

Keywords: deception, deception as a method of committing a crime, deceptive crimes, criminal deception

For citation: Shipunova M.N. Deception as the way of committing a crime: problems of theory and practice. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*, 2024, vol. 26, no. 3, pp. 169–181. (In Russ.).

Способ совершения преступления относится к числу факультативных признаков состава преступления. В отечественной теории уголовного права высказывались суждения относительно того, что общественно опасное посягательство всегда предполагает определенную, избранную виновным модель поведения, соответственно способ правильно считать признаком обязательным. Подход этот разделяется меньшинством специалистов и опровергается тем, как представляется, верным утверждением, что реальная наличие способа в совершении преступления не подтверждает его криминообразующий характер, поскольку последний вопрос зависит от описания состава преступления в конкретной диспозиции статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Или как справедливо замечает по данному поводу С.В. Шиловский: «способ совершения преступления, будучи неотъемлемой частью объективной стороны преступления как явления действительности,

в конструкцию объективной стороны состава преступления включается законодателем факультативно, в случае если обладает существенным уголовно-правовым значением» [1, с. 40].

Р.А. Сабитов отмечает, что законодатель, конструируя тот или иной состав преступления, совершаемого путем обмана, прибегает к определенным приемам обрисовки обмана, позволяющим отграничить его от других преступлений [2, с. 94].

Действительно, с юридико-технической точки зрения обман как способ совершения преступления выражен неединообразно. Проведенное исследование позволяет выделить четыре модели: 1) обман напрямую указывается в редакции нормы (непосредственно в диспозиции либо в отдельных случаях в примечании к статье Особенной части УК РФ); 2) используются конструкции, содержательно соответствующие обманному способу посягательства (внесение / предоставление недостоверных сведений, заведомо ложное сообщение, подделка, фальсификация и т.п.); 3) обманный способ напрямую не указывается в тексте статьи уголовного закона, однако признается на уровне судебного толкования; 4) обманный способ совершения преступления поддержан на уровне доктрины уголовного права и правоприменения.

На данный момент прямое указание на обман наличествует в описании уголовно-правовых норм об ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению преступления (ст. 110¹ УК РФ), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (п. «а» ч. 2 ст. 141 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего (ст. 151² УК РФ), мошенничество (ст. 159 УК РФ), мошенничество в сфере страхования (ст. 159⁵ УК РФ), причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (примечание к ст. 173² УК РФ), незаконное получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну (ст. 183 УК РФ), склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте (примечание к ст. 230¹ УК РФ), незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну (ст. 283¹ УК РФ), уклонение от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами (ст. 339 УК РФ).

Последние изменения отечественного уголовного законодательства указывают на стремление в отдельных случаях специально выделить обманный способ в диспозиции конкретной уголовно-правовой нормы. Так, последние поправки в ст. 183 УК РФ были связаны именно с выделением обмана, шантажа и принуждения как самостоятельных способов незаконного получения налоговой, банковской и коммерческой тайны. Авторы законопроекта обосновывали необходимость соответствующих

изменений, чтобы более эффективно противодействовать лицам, осуществляющим незаконное собирание информации ограниченного доступа и использование ее в личных целях¹. Верховный Суд Российской Федерации в отзыве на законопроект небезосновательно указал на то, что указанное предложение представляется излишним с точки зрения юридической техники. Действующая редакция нормы предусматривает ответственность за собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, любым «иным незаконным способом»². Действительно, корректировка редакции ст. 183 УК РФ Федеральным законом от 11 июня 2021 г. мало что поменяла в уголовно-правовом противодействии посягательствам на коммерческую, налоговую или банковскую тайну. Как в теории, так и на уровне правоприменения обман всегда признавался возможным способом совершения незаконного собирания сведений, составляющих тот или иной вид тайны. С учетом этого можно констатировать, что изменение модели диспозиции ст. 183 УК РФ никак не повлияло на процессы, связанные с криминализацией, а имело в большей мере юридикно-технический характер.

В связи с этим следует сформулировать собственное отношение к подобной практике казуализации способа преступного посягательства в Особенной части УК РФ. Конечно же, подобное нормотворчество в некотором смысле перегружает текст уголовного закона, делает его и слишком громоздким, и в отдельных случаях коллизионным. Не говоря уже о том, что такие усилия без конкретного социального запроса и реальной на то необходимости со стороны правоприменения вызывают вполне понятное раздражение. Такие «косметические правки» уголовного закона способны ввести и в довольно вредное заблуждение. Так, например, в аспекте реализованного законопроекта по изменению ст. 183 УК РФ может возникнуть ошибочное представление, что обман не следовало ранее и нельзя в перспективе относить к конструкции «иногo незаконного способа».

Однако же детализация способа преступного посягательства в отдельных ситуациях имеет смысл. Касается это прежде всего случаев, когда пределы объективной стороны конкретного преступления имеют мало выявленный характер, грозящий либо фактической неприменяемостью нормы, либо крайне противоречивой или даже прямо противоположной практикой. Здесь в качестве примера можно привести редакцию новеллы отечественного уголовного закона об ответственности за воспре-

¹ Проект Федерального закона № 1112804-7 «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.02.2021). Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

² Официальный отзыв Верховного Суда РФ от 18.12.2020 № 4-ВС-6857/20 «На проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 183 и 320 Уголовного кодекса Российской Федерации». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

пятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124¹ УК РФ). Известно, что поводом к криминализации послужили вполне конкретные примеры насильственного вмешательства в деятельность медицинских работников, блокирования проезда скорой помощи и т.п. Вместе с тем диспозиция указанной нормы предполагает, что такое воспрепятствование может быть осуществлено «в какой бы то ни было форме». Логично сделать вывод, что в таком случае сюда можно относить и обман. Соответственно, любое умышленное искажение информации, повлиявшее, например, на избрание правильной методики лечения пациента, при наступлении тяжкого вреда здоровью либо смерти можно квалифицировать в соответствии со ст. 124¹ УК РФ.

Между тем в настоящее время, когда практика применения ст. 124¹ УК РФ не установилась, а теоретические воззрения по поводу ее применения пока еще носят весьма поверхностный характер, нельзя не признать наличие определенного сомнения относительно толкования пределов криминального обмана как способа воспрепятствования оказанию медицинской помощи.

Другим способом формализации обмана в уголовном законе является использование конструкций семантически с ним связанных: предоставление недостоверной информации / сведений / документов / списка, заведомо ложные сообщения / сведения / информация / данные / объявление / донос / показание и т.п.). С учетом этого список обманных преступлений значительно расширяется, поскольку включает в себя многие криминальные формы пропаганды и дезинформации (публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), реабилитация нацизма (ст. 354¹ УК РФ) и др.).

Возможность обмана как способа совершения преступления имеет место также в тех случаях, когда объективная сторона предполагает наличие формы, сопряженной с обманным поведением. Подобная модель может быть продемонстрирована составами мелкого хищения (ст. 158¹ УК РФ), хищения предметов, представляющих особую ценность (ст. 164 УК РФ), хищения оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ).

Юридическое значение способа преступного посягательства раскрывается в литературе одинаково: 1) способ посягательства может выступать криминообразующим признаком состава; 2) он же в отдельных случаях является квалифицирующим признаком; 3) способ преступного деяния признается обстоятельством,отягчающим наказание; 4) служит разграничительным признаком между смежными преступлениями.

Обман является квалифицирующим признаком воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ст. 141 УК РФ). Здесь обман поставлен в один ряд с подкупом, принуждением, угрозой насилия и самим насилием. Следует отметить, что за исключением приведенного примера обманный способ довольно редко используется законодателем при дифференциации

уголовной ответственности. Этот факт, пожалуй, имеет вполне очевидное объяснение – обман сам по себе крайне редко повышает степень общественной опасности содеянного. В связи с этим имеет смысл задуматься над тем, при каких условиях обманное поведение в том или ином выражении могло бы рассматриваться как квалифицирующее обстоятельство. В отечественной литературе по данному поводу практически отсутствуют какие-либо рекомендации.

С.В. Шиловский пишет, что «способ включается в уголовно-правовую норму только тогда, когда заряд общественной опасности, который он привносит в деяние, существенно влияет на деяние, а следом и на общественную опасность всего преступления. Иными словами, законодатель особо выделяет определенный способ совершения преступления (либо группу способов) в связи с тем, что совершение определенного деяния, которое запрещает конкретная уголовно-правовая норма, иными способами не может определить или существенно повысить степень общественной опасности преступления в целом» [1, с. 47].

Д.А. Овсюков предлагает выделять *электронный обман*, содержание которого заключается в передаче заведомо ложной информации в виде компьютерной информации либо ее размещение на интернет-ресурсе с открытым доступом для неограниченного круга лиц [3, с. 12]. Автор предлагает использовать электронный обман как квалифицирующий признак основного состава мошенничества и его отдельных видов.

С учетом процессов цифровизации и последовательного роста преступлений, совершаемых с использованием средств информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, позиция Д.А. Овсюкова представляется и логичной, и аргументированной. Вместе с тем нельзя не заметить, что различие между обманом электронным и традиционным (физическим) заключается исключительно в среде, в которой передается ложная информация. Соответственно, сам способ коммуникации (например, переписка в мессенджере) должен убеждать нас в том, что деяние виновного обладает большей степенью общественной опасности. Однако не убеждает. Если тезис с электронным обманом в отношении неограниченного круга лиц еще понятен (хотя и не бесспорен), то относительно передачи ложной компьютерной информации сетевым способом в личном общении есть масса контраргументов. Так, подобный способ введения в заблуждение не позволяет говорить о том, что причиняется вред каким-либо иным охраняемым уголовным законом отношениям. Нельзя сказать и о том, что он как-то принципиально повышает вероятность достижения виновным преступного результата. Всё, на чем основываются подобные предложения, – это с каждым годом увеличивающаяся распространенность таких деяний. Однако этого объективно недостаточно, виртуализация жизнедеятельности имеет комплексный и всеохватывающий характер. Она меняет и преступность. В каком-то смысле данный процесс является естественным ходом вещей, логическим следствием научно-технического прогресса [4]. Более строго наказывать за мошенничество с электронным

обманом равносильно тому, что мы ужесточаем ответственность за существование в современном мире мессенджеров и онлайн-банкинга. Таким образом, модель, предложенная Д.А. Овсюковым, хотя и представляет несомненный интерес для науки, но в практической области вызывает ощущение попытки решить сложную проблему путем использования известного метода, в соответствие с которым гордиев узел не распутывается, а разрубается.

С.А. Сургай обосновывал идею, что общественная опасность обмана зависит от признаков личности преступника. На этом основании автор предлагал дифференцировать уголовную ответственность за клевету, совершенную должностным лицом [5, с. 15]. Здесь важно обратить внимание, что повышение общественной опасности деяния обусловлено не столько использованием служебного положения при распространении заведомо ложных порочащих сведений о другом лице, сколько самим статусом виновного, который априори повышает авторитет и доверие к его словам.

Полагаем, что обман может выступатьотягчающим обстоятельством в составах со специальным субъектом, где механизм посягательства связан с системой отношений, основанных на доверии. Как представляется, о подобной дифференциации можно говорить применительно к уголовно-правовым нормам об ответственности за злоупотребление полномочиями или превышение полномочий (ст. 201, 202, 285, 285¹, 285² УК РФ и др.). Данный вывод был поддержан 75% опрошенных респондентов.

Руководствуясь тем же самым критерием, возможной представляется дифференциация ответственности в зависимости от обманного способа в составе незаконного усыновления (удочерения) (ст. 154 УК РФ), где, как известно, субъектами выступают лица, наделенные специальными полномочиями по совершению соответствующих действий и принятию соответствующих решений в сфере усыновления, опекуновства и т.д. При проведении исследования предлагаемая модель дифференциации уголовной ответственности получила разную поддержку у респондентов.

Вообще проблема признания обмана квалифицирующим признаком состава преступления должна быть рассмотрена на двух уровнях. Первый уже был обозначен выше и касается влияния обмана на дифференциацию уголовной ответственности за преступления, в которых распространение недостоверных сведений не является основным (криминообразующим) способом.

Второй уровень связан с определением значения отдельных видов обмана для дифференциации уголовной ответственности за преступления, совершаемые обманым способом. Действующее уголовное законодательство (прежде всего редакция ст. 128¹ УК РФ) в зависимости от степени вредоносного воздействия на охраняемые уголовным законом общественные отношения позволяет выделить следующие виды обмана, используемые в системе квалифицирующих признаков: обман, совершаемый публично (публичный обман) и (или) в отношении неограниченного круга лиц; обман относительно того, что лицо страдает социально опасным заболеванием;

обман, связанный с распространением недостоверных сведений о совершении лицом преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности; обман, связанный с распространением недостоверных сведений о совершении лицом тяжкого либо особо тяжкого преступления.

Следует отметить, что необходимая системность в придании тому или иному виду обмана квалифицирующего значения в УК РФ не наблюдается. Так, например, в специальном составе клеветы в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации (ст. 298¹ УК РФ) отражение получил лишь обман относительно совершения лицом тяжкого либо особо тяжкого преступления. Здесь прежде всего вызывает вопросы отсутствие в системе дифференциации ответственности публичного обмана.

В ряду отягчающих уголовное наказание обстоятельств (ст. 63 УК РФ) обман не представлен. Однако это суждение является справедливым, если говорить именно об отсутствии явления «*per se*», то есть сугубо в буквальной интерпретации нормы. Вместе с тем можно вполне уверенно утверждать о том, что обман наличествует и в ст. 63 УК РФ, в очередной раз проявляя свою многоликую сущность. Здесь обман обнаруживается конструкциями совершения преступления с использованием доверия, оказанного виновному в силу его служебного положения или договора (п. «м»), а также совершения преступления с использованием форменной одежды или документов представителя власти (п. «л»). И если в первом случае возможность обмана носит еще вероятностный характер, то во втором – содержание самого деяния имеет вполне выраженный обманный характер.

Уголовно-правовое значение обмана в целом гораздо шире. Обман может лежать в основе такой конструкции, как посредственное исполнение объективной стороны преступления. В этой ситуации обман выступает способом воздействия на психику другого человека, в результате чего последний выполняет незавидную роль слепого орудия в совершении преступления. Если эту мысль развить, то с определенной уверенностью можно заключить, что в указанном смысле (через призму посредственного исполнителя) обман следует признать способом практически любого умышленного преступления.

Кроме того, предоставление ложных сведений при досудебном соглашении о сотрудничестве (ст. 63¹ УК РФ) выступает отменительным условием, позволяющим назначить виновному уголовное наказание в общем порядке без применения не только ч. 2, 3, 4 ст. 62 УК РФ, но и ст. 64 УК РФ. Следует отметить, что в конструкции ст. 63¹ УК РФ законодатель специально не указывает на заведомость в поведении виновного. Однако же по смыслу нормы правильно полагать, что предоставление ложных сведений лицом, добросовестно полагавшим, что они истинные, не может выступать основанием для применения ст. 63¹ УК РФ.

Важным является вопрос о квалификации преступлений, совершаемых путем обмана, при конкуренции уголовно-правовых норм, соотносящихся как часть и целое. Считается, что подлог в любой форме может быть признан способом преступления, совершаемого посредством обмана, при условии его большей общественной опасности по сравнению с подлогом обычным. Из этих же соображений Пленум Верховного Суда РФ указывает, что хищение лицом чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, совершенное с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ¹. При этом в тех случаях, когда лицо самостоятельно изготовило поддельный документ, Пленум Верховного Суда РФ предложил содеянное дополнительно квалифицировать по ч. 1 ст. 327 УК РФ. Логика такого решения убедительно раскрывает Л.А. Букалерева, справедливо обращая внимание на то, что подделка документа как разновидность подлога сама по себе, то есть без дальнейшего использования предмета подделки, обманом не является, поэтому не может признаваться способом совершения преступления, основанного на обмане [6, с. 224].

Изучение современной правоприменительной практики позволяет выделить следующие квалификационные особенности и ошибки при разграничении преступного подлога, предусмотренного ст. 327 УК РФ, и преступлений, совершаемых обманным способом.

Прежде всего игнорируется то важное условие, согласно которому разрешение конкуренции в пользу нормы-целой возможно лишь в тех случаях, когда она предусматривает ответственность за деяние, характеризующееся большей общественной опасностью в сравнении с нормой-частью (способом).

Так, по одному из дел суд кассационной инстанции указывает: «Давая юридическую оценку действиям осужденного по ч. 4 ст. 327 УК РФ, по использованию поддельного паспорта при оформлении заявки на получение потребительского кредита в ПАО «Почта Банк» на приобретение холодильника, суд неверно применил уголовный закон. Согласно разъяснений, содержащихся в абз 4 п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ. Аналогичная правовая позиция содержится

¹Пункт 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324–327¹ Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, покушение на мошенничество, совершенное подсудимым с использованием заведомо поддельного паспорта, не требует дополнительной квалификации по ч. 4 ст. 327 УК РФ. При таких обстоятельствах излишнее осуждение Х. по ч. 4 ст. 327 УК РФ подлежит исключению»¹.

По похожему делу суд также указал, что «мошенничества, совершенные с использованием заведомо поддельных документов, не требовали дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 327 УК РФ, что не было учтено судом при вынесении приговора»².

Получается, что в результате вынесенного решения норма-целая (ч. 1 ст. 159 УК РФ) с максимальной санкцией до двух лет лишения свободы «поглотила» норму-часть (ч. 4 ст. 327 УК РФ) с наиболее строгой санкцией в виде лишения свободы на срок до четырех лет. Конечно же, согласиться с такой моделью разрешения конкуренции весьма трудно, несмотря на соответствующие указания Пленума Верховного Суда РФ. Дело в том, что последние должны применяться таким образом, чтобы не вступать в противоречие с научными основами квалификации преступлений, принципами уголовного законодательства, да и элементарным здравым смыслом.

В теории уголовного права неразработанным является вопрос относительно квалификации посягательства, совершаемого путем обмана, переросшего из другого преступления. Так, вполне вероятной представляется ситуация, когда виновный, начав изъятие имущества тайно, сталкивается с собственником и прибегает, что называется, к плану «Б», при котором передача имущества осуществляется уже законным владельцем под влиянием заблуждения. Доктрина и правоприменительная практика в похожих ситуациях перерастания кражи в грабеж либо разбой предлагает квалифицировать содеянное по признакам более тяжкого преступления. Пожалуй, аналогичный подход должен быть применен и к возможным казусам перерастания кражи в мошенничество.

Весьма непростой является ситуация, при которой при нерезультативном обмане лицо начинает угрожать применением насилия для передачи имущества. В литературе отмечается, что как кража перерастает в грабеж и разбой, так и мошенничество может перерасти в вымогательство, грабеж или в разбой, что нередко имеет место при так называемых автоподставах, когда не сумевшие обмануть потерпев-

¹Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2022 № 77-2773/2022. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.09.2023 по делу № 77-1472/2023. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

шего мошенники прибегают к угрозам [7]. С таким подходом к квалификации содеянного солидаризируется и правоприменительная практика: «... из материалов дела видно, что действия А., П. и С.В., составлявшие к тому времени уже устойчивую организованную группу, начатые как мошенничество, переросли в грабеж, так как с целью удержания денег, взятых у Г.А., они применили насилие, не опасное для жизни и здоровья»¹.

При этом квалификация содеянного по совокупности преступлений объективно противоречит обоснованным в науке уголовного права правилам квалификации. Так, по одному из дел суд справедливо указал на то, что «правильно установив фактические обстоятельства дела, связанные с нападением на потерпевшего, суд квалифицировал действия К. как два самостоятельных преступления, предусмотренные соответственно ч. 2 ст. 159 УК РФ и ч. 2 ст. 162 УК РФ, не дав должной оценки тому, что из показаний потерпевшего и других собранных по делу доказательств следует, что действия К., начатые как мошеннические... фактически переросли в разбой, поскольку насилие к потерпевшему было применено с целью удержания похищенного, то есть действия представляли собой единое преступление. Кроме того, суд, признав К. виновным в совершении двух преступлений, пришел к взаимоисключающим выводам о том, что К. дважды похитил у В. указанный мобильный телефон, оба раза причинив материальный ущерб. При таких обстоятельствах суд находит необходимым исключить осуждение К. по ч. 2 ст. 159 УК РФ как излишне вмененное, поскольку содеянное им подпадает под признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 162 УК РФ»².

Однако же нельзя не отметить, что до настоящего времени в отдельных случаях это выступает предметом спора. Так, по одному делу сторона защиты ссылалась на то, что предъявленное обвинение по ч. 1 ст. 161 УК РФ не соответствует требованиям УПК РФ в части описания субъективной стороны преступления, поскольку, исходя из разъяснений, данных в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», при определенных условиях возможна квалификация как грабеж действий виновного, начатых как кража. Ввиду этого, по мнению защитника, недопустимо признавать законным обвинение в грабеже, начатом как мошенничество. Суд, отвечая на поставленный защитником вопрос, совершенно обоснованно указал, что действия подсудимого по неправомерному завладению чужим имуществом, начатые мошенническим способом, не были доведены до конца по независящим от него обстоятель-

¹Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2002 № 13-о02-3. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

²Постановление президиума Московского городского суда от 22.05.2008 по делу № 44у-284/08. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

ствам. С того момента, как потерпевший потребовал возврата имущества, деяние виновного стало носить открытый характер, то есть переросло в грабеж. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 не содержит какого-либо запрета относительно подобного перерастания мошенничества в открытую форму хищения¹.

Список источников

1. Букалерева Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота. М.: Юрлитинформ, 2006. 354 с.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект, 2010. 1392 с.
3. Овсюков Д.А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации: дис. ...канд. юрид. наук: 5.1.4. М., 2022. 231 с.
4. Русскевич Е.А. Уголовное право и «цифровая преступность»: проблемы и решения: монография. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Научно-издательский центр ИН-ФРА-М, 2022. 351 с.
5. Сабитов Р.А. Криминальные обманы и фальсификации: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 472 с.
6. Сургай С.А. Компаративный аспект уголовной ответственности за оскорбление судьи и клевету в отношении судьи: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08. Тамбов, 2009. 273 с.
7. Шиловский С.В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и средство дифференциации ответственности: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 159 с.

References

1. Bukalereva L.A. Ugolovno-pravovaya okhrana ofitsial'nogo informatsionnogo oborota [Criminal-legal protection of official information circulation]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2006. 354 p. (In Russ.).
2. Brilliantov A.V. (ed.). Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi) [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article)]. Moscow: Prospect Publ., 2010. 1392 p. (In Russ.).
3. Ovsyukov D.A. Korystnye prestupleniya protiv sobstvennosti s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setei: voprosy kvalifikatsii [Acquisitive crimes against property using information and telecommunication networks: qualification issues]. Cand. Dis. (Legal. Sci.). Moscow, 2022. 231 p. (In Russ.).

¹Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 16.12.2020 по делу № 1-222/2020. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

4. Russkevich E.A. Uголовное право i «tsifrovaya prestupnost'»: problemy i resheniya [Criminal law and "digital crime": problems and solutions: monograph]. 2nd ed. revised and enlarged. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M, 2022. 351 p. (In Russ.).

5. Sabitov R.A. Kriminal'nye obmany i fal'sifikatsii [Criminal frauds and falsifications: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2019. 472 p.

6. Surgay S.A. Komparativnyi aspekt uголовnoi otvetstvennosti za oskorblenie sud'i i klevetu v otnoshenii sud'i [Comparative aspect of criminal liability for insulting a judge and slander against a judge]. Cand. Dis. (Legal Sci.). Tambov, 2009. 273 p. (In Russ.).

7. Shilovsky S.V. Sposob soversheniya prestupleniya kak priznak uголовno-nakazuemogo deyaniya i sredstvo differentsiatsii otvetstvennosti [Method of committing a crime as a sign of a criminally punishable act and a means of differentiating liability: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2015. 159 p. (In Russ.).

Информация об авторах

М.Н. Шипунова – соискатель кафедры уголовного права Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация,
marina_shipunova0305@mail.ru.

Information about the authors

M.N. Shipunova, Participant of the Department of Criminal Law Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, marina_shipunova0305@mail.ru.

Статья поступила в редакцию / The article received 20.07.2024;

одобрена после рецензирования / revised 13.08.2024;

принята к публикации / accepted 03.09.2024.